

ГЕРМЕНЕВТИКА

Сергей ЧЕРНОВ

кандидат педагогических наук, профессор, ректор.
Институт Непрерывного Профессионального
Образования.

144000, Российская Федерация, г. Электросталь Москов-
ской области, проспект Ленина, 45–12;

e-mail: sv.chernov@institutnpo.ru

УЧЕНИЕ О ГЕНИАЛЬНОСТИ АРТУРА ШОПЕНГАУЭРА

В статье впервые проводится целостный содержательно-аналитический обзор учения Артура Шопенгауэра о гениальности, где основные идеи заключаются в следующем. Во-первых, гениальность состоит в совершенно непомерном, реальном избытке интеллекта, которого не требует для себя и своих услуг слепая воля, управляющая миром, и при этом гениальный человек охватывает своим сознанием общие начала бытия и становится, таким образом, способным к познанию сущности вещей, на что не способны ни обыкновенные люди, ни выдающиеся таланты. Во-вторых, сущность гениальности состоит в созерцательном и, следовательно, более объективном и целостном познании мира, что позволяет гению видеть такие миры, которые недоступны для восприятия и понимания других людей. В-третьих, предметом познания гения являются только те проблемы, в которых отражается «суть вещей вообще, только общее в них, целое», и, напротив, все остальные люди легко проходят мимо тех проблем, которые гений просто не может пропустить. В-четвёртых, гениальные люди, в силу своей способности к созерцательному познанию мира, отличному от познания, осуществляемого в виде понятий, дающих лишь малосодержательные абстракции, оказываются способными к познанию реальности «Платоновых идей». При этом гениальные люди менее всего заботятся о собственной пользе, напротив, их усилия направлены не на получение личной выгоды, а на создание общезначимых, общечеловеческих ценностей – ценностей, формирующих в конечном итоге духовную культуру человеческого рода.

В статье также рассматриваются представления Шопенгауэра о гениальности и о безумии и показывается неправомерность отнесения Шопенгауэра к числу сторонников психопатологической теории гениальности. В настоящем исследовании показано, что Шопенгауэр выводит истоки гениальности из рефлексии о самом человеке и, таким образом, он не ограничивает анализ гениальности лишь предметными границами психологии, а впервые поднимает эту проблему уже на уровень философско-антропологического анализа и тем самым придаёт проблеме гениальности онтологический, универсальный, фундаментальный характер.

Ключевые слова: Артур Шопенгауэр, философская антропология, проблема гениальности, избыток интеллекта, созерцательное познание, иные миры, гениальность и талант, гениальность и безумие, серьёзная заурядность взрослости, свободная творчеством детскости

...Имя гения может заслужить только тот, кто берёт предметом своих изысканий целое и великое, сущность и общность вещей, а не тот, кто всю свою жизнь трудится над разъяснением какого-либо частного соотношения вещей между собою.

Артур Шопенгауэр

Проблема гениальности в трудах А. Шопенгауэра

Рефлексия Артура Шопенгауэра о гениальности – это система замечательных представлений, наблюдений и ярких идей о гениальности, сформулированных автором в различные периоды своей жизни. Причём указанные представления и идеи встречаются практически во всех трудах Шопенгауэра. А это говорит, во-первых, о том, что *идея гениальности является одним из ключевых пунктов философии Шопенгауэра*, составляющих самое тело его учения о «мире как воле и представлении», и, во-вторых, о том, что *проблема гениальности есть любимая и неизбывная тема автора*. Постепенно рефлексия Шопенгауэра о гениальности начинает разворачиваться в настоящее учение о гениальности, особую теоретическую значимость которого увеличивает несомненная гениальностью самого автора.

Кстати, сам А. Шопенгауэр, основываясь на положении Пифагора о том, что *подобное познаётся только подобным*, утверждал, «что только дух слышит дух, что произведения гения будут вполне понятны и оце-

нены только гениями» [22, с. 195]. Отметим, что Шопенгауэр не единственный, кто утверждал это. Подобную идею высказал примерно в то же самое время и американский писатель Эдгар Аллан По: «По существу, чтобы глубоко оценить творение того, что мы называем гением, нужно самому обладать гениальностью, необходимой для такого свершения» [15]. В свою очередь, Н.А. Бердяев так же подчёркивал необходимость родства «субъекта познания и объекта познания»: «Познать творческую активность лица – значит быть творчески активным лицом. Познать свободу лица – значит быть свободным лицом. <...> Познать что-нибудь в мире значит иметь это в себе» [4, с. 162]. А выдающийся японский художник Хокусай утверждал: «Хочешь нарисовать птицу – должен стать птицей».

Шопенгауэр условно делит индивидов на «людей пользы» и «людей духа». К числу первых он относит абсолютное множество обыкновенных людей, а также тех, кто обладает выдающимся талантом. Эти люди полностью подчинены слепой воле, лежащей в самом основании мира, а каждый человек, сущность которого задана изначально, является проявлением этой самой воли. Единственным выходом из-под власти воли – этой довлеющей надо всем мирозданием силой – является бескорыстное и безусловное творчество – т. е. искусство гения, осуществляющего познание посредством созерцания с целью поиска возвышенного и прекрасного. Но «прекрасное, – утверждает Шопенгауэр, – редко соединяется с полезным», и потому «сравнивать людей пользы с людьми гения – это всё равно, что сравнивать кирпичи с бриллиантами» [20, с. 325]. Именно в гениальности человек достигает «блаженства созерцания», освобождается «от мук воли», становится «чистым субъектом познания» и поднимается до «познания истинной сущности мира, т. е. идеи» [22, с. 9–10]. Таким образом, единственным человеческим типом, способным прорваться сквозь оковы этой самой слепой воли, безраздельно управляющей миром, является *тип гения*, и отсюда же происходят *сверхвозможности творческой деятельности гениального человека*.

По Шопенгауэру, гениальность есть не что иное, как *универсальная способность отдельных людей к познанию «Платоновых идей»*, созерцание которых «невозможно, пока человек занят объектами разума: он тогда имеет дело лишь с *понятиями* и в них с *законом основания познания...*» [22, с. 9]. Поэтому Шопенгауэр называет гениальными лишь такие произведения, которые «непосредственно исходят из созерцания и на созерцание рассчитаны». В свою очередь, «*чистое познание*» – познание гения есть «по отношению к субъекту – свобода от воли; по отношению к объекту – свобода от закона основания» [22, с. 9]. Следовательно, гений проявляет себя лишь в искусстве, поэзии и философии, но не в науке, основанной на законе достаточного основания. В этом последнем А. Шопенгауэр не расходится ни с И. Кантом, который утверждал, что «природа предписывает через гения правило не науке,

а искусству, и то лишь в том случае, если оно должно быть изящным искусством» [10, с. 324], ни с Шеллингом, который писал, что «лишь то, что создаёт искусство, может быть единственно творением гения, ибо в каждой решённой искусством задаче разрешается бесконечное, противоречие» [18, с. 481].

Наука нацелена лишь на изыскание «частных истин», тогда как «изыскание *общих* истин – дело единичных и редких людей» [19], т. е. людей гениальных. Действительно, выдающиеся достижения в науке правильнее будет связывать с *выдающимися особыми способностями и талантом первооткрывателя*, тогда как прекрасно-возвышенные эпохальные творения в высших сферах духовной жизни человечества, таких как религиозное творчество, нравственность, поэзия, философия, искусство, следует связывать с *пророческим в своей сущности творческим даром гения*, соединяющим универсальную гениальную природу с особыми способностями, с талантом.

Хотя при этом мы бы поостереглись отнимать «титул гения» у некоторых великих учёных, тем более что за всю доступную для обозрения историю науки таких можно будет пересчитать по пальцам, например: *Николай Коперник, Иоганн Кеплер, Галилео Галилей, Блэз Паскаль, Исаак Ньютон...* Другое дело, учёные-ремесленники, занятые в организованно-структурированной науке, которых вряд ли можно заподозрить в гениальности и о которых Шопенгауэр достаточно резко высказывается в разделе «Об учёности и учёных», входящем в его последнюю книгу «*Новые параграфы*». В *республике учёных*, но не в *республике гениев* «...во все времена старались в каждом отделе подчеркнуть всё посредственное, умалить истинно ценное, даже – великое, а где можно, то и совсем устранить как неудобное» [22, с. 184]. Почему так? Потому что закон достаточного основания и закон тождества, которые накладывают известные ограничения на сферу собственно научного познания, закрывают пути к *парадоксальным открытиям и оригинальному видению мира*, на которые способны лишь гениальные люди. В целом можно утверждать, что *чем более жёсткие, структурированные, формализованные формы приобретает деятельность человека, тем в меньшей степени можно ожидать пробуждения в человеке творческого гения*.

Рассмотрим теперь те ключевые идеи, которые составляют саму основу учения Артура Шопенгауэра о гениальности.

Первое. Основная мысль названного учения Шопенгауэра заключается в следующем. Гениальность всегда состоит в «совершенно непомерном, реальном избытке интеллекта, которого не требует для себя и своих услуг никакая воля» [20, с. 325]. И если обыкновенный человек «в частном всегда и познаёт только частное как таковое» [20, с. 325], а талантливый человек с той или иной степенью успешности познаёт лишь взаимные отношения вещей, то гениальный человек охватывает своим сознанием общие начала бытия и становится, таким образом, способ-

ным к познанию сущности вещей. «В частном постоянно видеть общее – в этом именно и заключается основная черта гения...» [20, с. 318]. Отсюда следует, во-первых, то, что «люди, создающие истинные творения, встречаются в тысячу раз реже, чем люди деловые» [20, с. 325], и, во-вторых, именно благодаря тому, что интеллект здесь полностью отрешается от воли и развивает свободную деятельность, и «рождаются гениальные творения» [20, с. 325].

Шопенгауэр выделяет *три рода или три категории умов*. Ум первого рода, обладая признаками *подражательности и зависимости*, ничем другим не занимается, как «только воспроизведением чужих мыслей», и, соответственно, для этого ума, который неспособен мыслить сам без какого-либо образца или аналога, характерно повторение тех же ошибок, что и у предшественников, а также не замеченных ими, но *объективно существующих проблем*. Вторая категория умов также неспособна к самостоятельному мышлению, однако из-за недостатка «способности суждения» понять этого не может и потому пытается «идти на собственных ногах и преподносит публике самолично придуманные монстры». Таких людей Шопенгауэр называет «дураками, скроенными по своему образцу». И, наконец, третья, самая редкая категория умов, собственно *умов гениальных*, которую «приходится рассматривать скорее как исключение: это – *оригинальные, самостоятельно мыслящие умы*» [22, с. 174].

Итак, сущность гениальности Шопенгауэр видит в абсолютном преобладании интеллекта над волей, а *оригинальность и самостоятельность* мышления считает главными признаками гениального ума.

Не будем здесь спорить с Шопенгауэром, ведь гении – это действительно наиболее одарённые умом люди, не будем оспаривать и исключительную важность выделенных Шопенгауэром признаков. Однако, на наш взгляд, для того, чтобы глубже понять природу гения и раскрыть сущность гениальности, необходимо также вычленить особые, качественные отличия *обыденного ума, ума таланта и ума гения*. Такая попытка была предпринята нами ранее. Были выделены и феноменологически раскрыты три типа человеческого ума: *утилитарно-практический ум*, характерный для обыкновенного человека, *позитивно-изобретательный ум*, характерный таланту, и *созидательно-творческий ум*, характерный гению; была установлена связь человеческих дарований, названных типов ума и уровней творческой деятельности человека, а также были раскрыты такие признаки гениального ума, как *парадоксальность, вневременность и универсальность* [подр. см.: 16, с. 43–53; 17, с. 169–171].

Второе. Благодаря созерцательному характеру своего познания, только гений способен к конкретному, целостному, объективному познанию мира, тогда как познание всех остальных и даже талантливых людей осуществляется лишь на более низком уровне – в виде понятий, которые не дают ничего большего, чем малосодержательные абстрак-

ции, мало соответствующие реальности «Платоновых идей», к созерцанию которых способны гениальные люди. «Именно созерцанию, – утверждает Шопенгауэр, – прежде всего открывается и является подлинная и истинная сущность вещей, хотя ещё только условно. Всякое понятие, всякая мысль – это лишь абстракция, т. е. частичные представления, оторванные от созерцания и возникшие путём исключения из мысли отдельных сторон предмета. Всякое глубокое познание и даже мудрость в собственном смысле этого слова имеют свои корни в созерцательном восприятии вещей...» [20, с. 317].

Надо сказать, что эта идея Шопенгауэра о гениальности «как способности пребывать в чистом созерцании» [19, с. 165] оказалась очень плодотворной для следующих после Шопенгауэра исследователей гениальности. Так, например, немецкий философ Отто Вейнингер видит сущность гениальности в «универсальной апперцепции» – в таком свойстве гениального человека, которое можно определить как осознанное видение, «необъятное у гения» и позволяющее ему видеть, запоминать, перерабатывать в своём сознании много больше того, чем это доступно обыкновенному человеку. «...Гениальное сознание... – пишет Вейнингер, – обладает сильнейшей яркостью и наиболее отчётливой ясностью» и, таким образом, «гениальность идентична более общей, а потому и высшей сознательности» [5, с. 117–118]. На наш взгляд, универсальная апперцепция, обеспечивающая «интенсивную сознательность» гения у Отто Вейнингера и созерцательное познание гения у Артура Шопенгауэра, имеют одну природу, поскольку интенсивность гениального сознания обеспечивает более глубокое созерцание, которое, в свою очередь, доставляет сознанию именно те элементы созерцания, которые позволяют гениальному человеку в отдельной вещи прямо видеть не только саму эту вещь, но также скрытое от всех других людей нечто более общее и таким образом *познавать вещь не только в её явлении, но и в её сущности*.

Третье. Предметом познания гения являются только те проблемы, в которых отражается «суть вещей вообще, только общее в них, целое» [20, с. 318]. Напротив, для всех остальных людей, современных гению, волнующие гения проблемы остаются либо абсолютно непонятными, либо совершенно неинтересными, либо они просто проходят мимо тех проблем, которые гений не в состоянии пропустить. И поэтому творческие задачи, решаемые гением, могут объявляться в лучшем случае малозначимыми и неактуальными, а в худшем – даже вредными и опасными.

Почему же общество, которое впоследствии так активно «эксплуатирует» достижения и идеи гения, поначалу так же активно не принимает его творчества?

Дело, по-видимому, заключается как в особых свойствах гениального ума (см. выше), так и в глубине познания, свойственного гению. Гениальный человек «в отдельной вещи не просто мыслит, но и прямо

видит, не только её, но уже и нечто более или менее общее» [20, с. 318], т. е. он ясно видит раскрывающиеся в отдельных вещах Платоновы идеи. Гений, – пишет А. Шопенгауэр, – «...видит иной мир, нежели все остальные, хотя видит его только потому, что глубже погружается в мир, лежащий и перед ними, так как в его голове последний рисуется объективнее, т. е. чище и явственнее» [19]. Именно объективное видение мира, освобождённое от самодовлеющего всевластия воли, подчиняющей себе не только обыкновенных, но и талантливых людей, позволяет гению не только видеть дальше и глубже других, но при этом именно это *чистое, объективное, глубокое видение мира* максимально удаляет, изолирует гениального человека от всех остальных, в особенности от его современников.

Итак, главная причина непризнания гения современниками кроется в ином, более ясном, чистом и глубоком видении мира, доступном гению, но до поры недоступном для всех других людей. Причём «пониманию мешает тупость, признанию – зависть» [21, с. 61]. Однако именно гений задаёт те *новые рубежи познания и видения мира*, которые много позже проникнут в сознание человека, а «уж если это случилось, люди начинают толпиться около гения и его творений, ожидая, что от него прольётся хотя бы луч света во тьму их существования, а может быть и разгадка его...» [21, с. 61], и только лишь тогда общество станет способно если не понять, то хотя бы признать гения.

Четвёртое. Выдающиеся, гениальные люди стремятся к познанию и воспроизведению высших истин: «...высокоодарённый духовно человек помимо общей всем индивидуальной жизни ведёт ещё и другую, чисто интеллектуальную, которая состоит в непрерывном накоплении и увеличении не просто знания, а связанного истинного познания и уразумения вещей...» [21, с. 60]. При этом гениальные люди менее всего заботятся о собственной пользе, напротив, их усилия направлены не на получение личной выгоды или пользы как таковой, а на создание общезначимых, общечеловеческих ценностей – ценностей, формирующих в конечном итоге духовную культуру человеческого рода.

«Чрезмерный излишек интеллекта... – утверждает Шопенгауэр, – посвящает себя служению всему человеческому роду, между тем как нормальный интеллект служит отдельной личности» [20, с. 316]. Благодаря этому «...человечество взирает на гениального человека, ожидая от него откровений о вещах и о собственной своей сущности» [21, с. 61]. И, таким образом, с момента своего признания гений выступает для других людей в роли учителя жизни, пророка, «*высшего существа*», от которого исходит «*откровение*» [21, с. 61].

Сравнительный анализ гениальности и таланта

Если изобретение таланта – это всегда открытие, имеющее несомненное практическое значение (например, открытие электричества, электромагнитных волн или рентгеновских лучей), то *провидческое открытие гения*, достигаемое в его созерцательной деятельности познания, – это всегда прорыв, имеющий, по сути, эпохальное значение. К этой категории, например, следует отнести почти вековую работу по созданию нового русского языка, начатую М.В. Ломоносовым (теория «трёх штилей» и корпус сочинений Ломоносова по красноречию, риторике, грамматике и стилистике русского языка) и завершённую А.С. Пушкиным (в виде настоящей школы поэтического и прозаического русского литературного языка), – того русского языка, на котором мы говорим и поныне и на основе которого продолжает произрастать вся наша уникально-самобытная русская культура. Уничтожьте язык, созданный благодаря гениальным трудам Ломоносова и Пушкина, и русская культура рухнет в одночасье, тогда как, благодаря талантливым изобретателям, уже существуют и продолжают множиться различные способы получения энергии, необходимой человечеству. Но возникает вопрос: нужна ли будет электрическая и другие виды энергии тому человеку, который прежде потеряет свою культуру?

О различии таланта и гениальности рассуждали до Шопенгауэра многие философы, например Кант [10], Кондильяк [11, с. 132], Гегель [7, с. 331–332] и др., но именно Шопенгауэру первым удалось вскрыть здесь *существенные и принципиальные различия*.

Опираясь на воображение и интуицию, гений связан с большей глубиной познания, нежели талант, преимущество которого «заключается в большей тонкости и остроте дискурсивного, чем интуитивного познания. Талантливый человек думает быстрее и правильнее других; гениальный же человек видит иной мир, нежели все остальные, хотя видит его только потому, что глубже погружается в мир, лежащий и перед ними, так как в его голове последний рисуется объективнее, т. е. чище и явственнее» [20, с. 315]. Итак, если сущность таланта заключается в его высокой способности к дискурсивному понятийному мышлению, в особых случаях развитой до автоматизма, то *сущность гения – в его особой способности к видению иного мира, недоступного взору ни обыкновенных, ни даже талантливых людей*.

Если обыкновенный человек в частном всегда и познаёт только частное как таковое, то талантливый человек при исследовании частных феноменов лучше других способен к выявлению «взаимных отношений вещей»; основная же черта гения заключается в умении «в частном постоянно видеть общее». «...Только суть вещей вообще, только общее в них, целое является настоящим предметом гения, исследование же частных феноменов – дело талантов в области реальных наук, предметом

которых, собственно говоря, всегда служат только взаимные отношения вещей» [20, с. 318]. Таким образом, универсализм гения, как в его познании мира, так и в овладении трансцендентными, недоступными другим, сущностными аспектами бытия, противопоставляется Шопенгауэром специфической и собственно ограниченной этой специфичностью природе таланта. И, таким образом, если талант наиболее способен к *делам*, то гений, напротив, наиболее способен к *творениям*, причём «люди, создающие истинные творения, встречаются в тысячу раз реже, чем люди деловые» [20, с. 325].

По Шопенгауэру: «Созерцательное постижение – это неизбежный процесс зачатия, в котором всякое художественное произведение, всякая бессмертная мысль обретает искру жизни. Всякое первичное мышление протекает в образах. Из понятий же исходят лишь произведения обыкновенных талантов, только разумные мысли, подражания и вообще всё то, что рассчитано на одни текущие потребности и на современников» [20, с. 317].

Почему же даже после смерти гениального человека его творения не остаются в своей конечной завершённости, а продолжают служить потомкам, выступая как ключевые моменты становления новых идей, открытий и свершений? А потому, что смысл и значение творений гения служит неиссякаемым источником духовного развития и духовного преображения человека, чего, однако, нельзя сказать относительно открытий даже самых выдающихся талантов. И это, по-видимому, проистекает прежде всего из онтологических различий между гением и талантом, которые Шопенгауэр видит в следующем: талантливый человек способен достигать таких целей, которые недостижимы для других, но которые находятся в сфере их восприимчивости. Гений же способен к достижению такой цели, «которую другие не в состоянии даже увидеть и о которой поэтому они получают вести лишь косвенно, т. е. с опозданием, – да и принимают они её лишь на веру» [20, с. 328].

И эти утверждения Шопенгауэра подтверждаются следующими примерами. Для «людей пользы» гелиоцентрическая система Коперника будет являться наивысшим открытием последних пяти сотен лет, тогда как для «людей духа» большую ценность и значение будет представлять «Реквием» Моцарта или «Евгений Онегин» Пушкина. Вспомним Артура Конана Дойля, который позиционировал своего Шерлока Холмса как, несомненно, гениального человека. Который, однако, не знал гелиоцентрической системы Коперника, но при этом регулярно извлекал какофонические звуки из своей скрипки, считая, что этим он помогает решению своих дедуктивных задач. И, с другой стороны, доктора Ватсона – во многом положительного и очень полезного обществу человека, безусловно верящего в систему Коперника, но при этом не отличавшегося даже малейшими признаками гениальности.

Существуют ещё и социологические причины указанного явления. В частности, если талант всегда ожидает вознаграждения, без которого он просто не может быть реализован, то гений, напротив, мало нуждается в таковом для продолжения своих трудов. Парадоксально, но факт, что социальная среда и окружение, как правило, продвигают талант, но практически всегда отвергают творения гения. Талантливый человек успешно и выгодно продаёт результаты своей деятельности своим современникам, напротив, плодами трудов гения, нацеленных на будущее, впоследствии многократно пользуются многие поколения потомков.

Талант требует постоянных внешних стимулов: путешествий, новых впечатлений, выставок, публикации своих трудов и пр. и пр., но главное – талант в своей реализации не может существовать без внешнего одобрения, без почитания и наград, вне поддержки его общественным мнением. Перестаньте платить талантливому человеку, и он забросит эту работу, найдя другое применение своему таланту. Для таланта, для которого успех, поклонение, власть, деньги и прочее всегда на первом месте, эти «объективированные» атрибуты рано или поздно начинают возобладать над потребностью в свободном творчестве, и вот мы видим, что нет уже таланта, а только имя и «пиар» позволяют ему оставаться на поверхности. Именно поэтому в современном мире мы сталкиваемся с тенденцией, когда «выдающиеся» деятели искусств пачками уходят в политику, во власть, в бизнес, дабы только сохранить свою исключительность в глазах непритязательной толпы – исключительность, ставшую, однако, призрачной. Гений же, напротив, никогда, ни при каких обстоятельствах, не изменит *назначению своему*, и только лишь поэтому он остаётся посланником вечности.

Талантливость как система специальных способностей – это характеристика в общем-то мерная, количественная, тиражируемая. Причём таланты могут находиться в развитии, так же как и «зарываться в землю» – не находить своего развития. В свою очередь, гениальность как характеристика качественная, неспецифическая, штучная есть дар предельно персонифицированный. Многие люди могут иметь одинаковые таланты, но гениальность неповторима. Нет двух людей одинаково гениальных, но немало таких, которые одинаково талантливы. Гениальность не может развиваться или не развиваться, она может лишь быть в непрерывном становлении, и на этом пути в человеке может проснуться гений, и тогда рождается гениальная личность, которая находит в себе силы и волю обратить этот дар в достояние других людей, даже зачастую в ущерб собственному житейскому благополучию, даже порой рискуя своей жизнью. Если талант – это дар выдающихся способностей, то гений – это прежде всего назначение и предельно персонифицированный творческий дар, предопределённый только самому его облада-

телю. Но благодаря универсальной природе гениальности, творческая деятельность гениального человека есть его личный жизненный подвиг, есть, в свою очередь, дар гения всему человечеству.

О гениальности и о безумии

Некоторые авторы [8; 23 и др.], опираясь на отдельные высказывания А. Шопенгауэра о гениальности и безумии, склонны видеть в нём сторонника психопатологической теории гениальности. Да, действительно, у Шопенгауэра есть такое, например, утверждение: «Часто отмечалось, что у гениальности и безумия есть такая грань, где они соприкасаются между собой и подчас переходят друг в друга...» [19, с. 169]. Да, действительно, Шопенгауэр ссылается на Горация, Платона, Аристотеля, Цицерона и Попа, которые отмечали сродство великого дарования с безумием, и как бы сам поддерживает эту идею. Но разве этого достаточно, чтобы причислить Шопенгауэра к сторонникам психопатологической теории гениальности?

Попробуем разобраться в этом, обратившись к текстам самого Шопенгауэра, у которого читаем: «...если безумец верно познаёт отдельные моменты настоящего, как и отдельные моменты прошлого, но неверно познаёт их связь, их отношения и поэтому не только заблуждается и бредит, то в этом и состоит точка его соприкосновения с гениальным индивидом: ведь и последний, пренебрегая совершающимися по закону основания познанием отношений, чтобы узреть и отыскать в вещах только их идеи и постигнуть их наглядно выражающуюся подлинную сущность, по отношению к которой одна вещь является представительницей всего рода и потому, как говорит Гёте, один случай сходит за тысячи, ведь и гений через это упускает из виду познание связи вещей; отдельный объект его созерцания или необычайно живо воспринимаемое им настоящее предстают перед ним в столь ярком свете, что от этого как бы остаются в тени прочие звенья цепи, к которой они принадлежат, и отсюда возникают феномены, сходные с феноменами безумия, как это было признано с давних пор» [19, с. 172].

Внимательное прочтение этого фрагмента ясно показывает, что речь здесь идёт лишь о *сходстве проявления*, но не о *сущностном сходстве*. Если понимать *смысл* как *сущность в своём бытии* [13, с. 368], то *смысл гениальности* и *смысл безумия* имеют принципиальные отличия. Сумасшествие – это всегда бред, мираж, иллюзия, искажённое восприятие действительности – это субъективизм в его самом крайнем, неприглядном и нередко опасном для самого больного и для окружающих выражении; напротив, *гениальность есть абсолютно объективное и предельно осознанное принятие действительности*, узреваемой гением в самых ярких и значимых её проявлениях: *идеях, эйдосах, образах созерцания*,

которые, однако, не воспринимаются и потому не могут быть познаны обычными людьми. Если сумасшествие связано с галлюцинациями, то гениальность – «это способность пребывать в чистом созерцании» [19, с. 165]. И не видеть различий между галлюцинациями и образами созерцания есть не просто оплошность, а заведомое искажение истины. «...Гениальность, – говорит Шопенгауэр, – есть не что иное, как полнейшая объективность, т. е. объективное направление духа в противоположность субъективному, которое обращено к собственной личности...» [19, с. 165].

Психиатрам хорошо известно, что *запредельная акцентуация на собственной личности* есть настоящий симптом практически любой психопатологии – с этого начинается не только развитие психоза, но это также служит источником неврозов и депрессивных состояний. Напротив, по Шопенгауэру, *сущность гения* состоит именно в преобладании способности к чистому созерцанию, что «требует полного забвения собственной личности и её интересов» [19, с. 165]. Таким образом, основываясь на текстах самого Шопенгауэра, его ни в коей мере нельзя причислить к сторонникам идеи отождествления гениальности и безумия.

Кстати, безумие Шопенгауэр объясняет возникновением неразрешимых противоречий между волей и представлением: «В этом противодействии воли, с каким она не позволяет интеллекту осветить то, что ей неприятно, и находится тот пункт, откуда безумие может вторгнуться в наш дух» [20, с. 335]. Важно, что представленное здесь объяснение Шопенгауэра нисколько не противоречит современным воззрениям научной психиатрии.

Приведённые выше и другие замечания Шопенгауэра о гениальности и безумии, нередко соседствующие в его трудах (так, например, во втором томе «Мир как воля и представление» глава «О безумии» следует сразу же за главой «О гении»), но неверно понятые и неправильно интерпретированные, а также тот факт, что феномен умопомешательства и психических заболеваний всегда привлекал Шопенгауэра и представлял для него непреходящий интерес [6, с. 14], позволили последователям Чазаре Ломброзо, родоначальника и популяризатора идеи о неразрывной связи гениальности и помешательства, безосновательно причислить А. Шопенгауэра к числу своих сторонников.

Сам же Ч. Ломброзо в своей известной книге «Гениальность и помешательство» (1863) объявил Артура Шопенгауэра сумасшедшим [12, с. 72–73]. Причём сделано это было без каких-либо существенных аргументов и реальных доказательств: Ломброзо не имел психиатрического анамнеза на всех тех гениальных персоналий, а их в его книге десятки, которых он заочно объявил помешанными. Впрочем, Чезаре Ломброзо мало заботился как об аргументах, так и о доказательствах в пользу своих положений, носящих нередко профанный характер, а также часто пользовался непроверенными сведениями и включал их в

свою книгу, откуда эти сведения впоследствии успешно перекочевали в многочисленные работы, поддерживающие идею о психопатологической природе гения.

К числу таких работ следует отнести сочинения Макса Нордау, где он, вслед за Ломброзо, следующим образом высказывается о душевном здоровье Шопенгауэра: «...если бы он не был автором удивительных книг, то мы имели бы перед собой только антипатичного эксцентрика, который не мог быть терпим среди порядочных людей и место которого было бы прямо в доме для умалишённых, так как он, видимо, страдал манией преследования» [14, с. 37]. Отметим здесь, что утверждения Нордау о сумасшествии талантливых и гениальных людей, приведённые в его книге «Выврождение», во многом опираются на указанную выше работу Ломброзо и в соответствии со сказанным требуют к себе критического отношения.

Итак, во-первых, Шопенгауэра никак нельзя отнести к сторонникам психопатологической теории гениальности, поскольку все его положения ясно показывают, что *гениальность является высшим, совершенным проявлением человеческого духа*. Напротив, безумие было бы очень трудно отнести к совершенным проявлениям духа. Причём на одну ступень с гениальными людьми А. Шопенгауэр ставит индийских аскетов и христианских святых, которые также *способны к чистому созерцанию идей*. Во-вторых, было бы неправомерным относить А. Шопенгауэра к умалишённым, как это делают Ломброзо и Нордау, поскольку никаких обоснованных реальных доказательств, кроме отдельных сведений о сложном эксцентричном характере Шопенгауэра и его относительно частых переездах из города в город на новое место жительства, названные авторы не имеют. Согласитесь, что на этих лишь основаниях можно было бы оправдать в «дома для умалишённых» немалую часть населения земли.

Сходство между гением и ребёнком

Среди частных замечаний Шопенгауэра о гениальности следует выделить его очень важное наблюдение «о некотором сходстве между гением и детским возрастом» на том основании, что как для ребёнка, так и для гения фокус познания значительно преобладает над «фокусом воли»: «Именно потому, что зловещая деятельность этой системы (половой. – С. Ч.) ещё дремлет, когда деятельность мозга находится в полном расцвете, детство – пора невинности и счастья, рай бытия, потерянный Эдем, на который мы с тоской оглядываемся в течение всей последующей жизни» [20, с. 330]. На чём же основывается это удивительное сходство между гением и ребёнком? Отвечая на этот вопрос, Шопенгауэр пишет: «...в избытке познавательных сил сравнительно с потребностями воли

в вытекающем отсюда преобладании чисто познающей деятельности. Поистине, каждый ребёнок – до известной степени гений, и каждый гений – до известной степени ребёнок. Родство между ними сказывается прежде всего в наивности и возвышенной простоте, которые составляют существенный признак истинного гения» [20, с. 331].

В качестве примеров *детскости гениальных людей* Шопенгауэр приводит имена Моцарта и Гёте. О последнем друзья с некоторым упрёком говорили, что он «вечно будет большим ребёнком». Шопенгауэр, лично знавший Гёте и имевший с ним переписку, считает это утверждение абсолютно справедливым, но отмечает при этом несправедливость порицания. Шопенгауэр также приводит слова Шлихтегролля из некролога, посвящённого Моцарту: «В своём искусстве он рано стал мужем, но во всех других отношениях он вечно оставался ребёнком» [20, с. 331].

А. Шопенгауэр был не единственным, кто утверждал исключительную *важность детскости в характере гения*. Вспомним, что в 1831 г. другой гениальный автор – Оноре де Бальзак, которого многие знакомые с ним современники также называли большим ребёнком [2, с. 234], в своём очерке «О художниках» представил замечательный *образ творческого гения*, который «увлекается как дитя всем, что его поражает. Он всё понимает, всё хочет испытать». В характере гения, по Бальзаку: «...проявляется то же непостоянство, какое отмечает его творческую мысль; ...душа его парит непрестанно. Он шествует, головой касаясь неба, а ногами ступая по земле. Это дитя, это исполин» [1, с. 24].

История гениальности знает немало имён гениальных людей, которые на всю жизнь сохраняли своеобразную детскую непосредственность, неутомимую жажду к познанию и настоящую молодость души, без которых гениальное творчество просто невозможно. Вот ещё один подобный пример. Выдающийся русский религиозный философ Н.А. Бердяев продолжал трудиться буквально до последних своих минут и ушёл из жизни, работая за своим письменным столом с пером в руке. В философской автобиографии Бердяева мы читаем такие слова: «Я уже стар и утомлён жизнью, хотя ещё очень молод душой и полон творческой умственной энергии» [3, с. 621–622]. А вот что Бердяев пишет в одном из своих писем, адресованных г-же Х.: «Вы правы, что я очень молод. По вечному своему возрасту (каждый имеет вечный возраст) я юноша. У меня совсем нет чувства зрелого возраста, солидности, маститости, почтенности. Мне кажется, что я всё тот же юноша, который искал смысл жизни и правды, жаждал познания истины» [9, с. 224].

Несомненно, что и Артур Шопенгауэр, и Оноре де Бальзак, и Николай Александрович Бердяев, сами, будучи людьми гениальными, хорошо понимали этот *феномен сходства гениальности и детскости*.

Вряд ли можно спорить с тезисом о том, что у большинства людей творческий потенциал закономерно понижается с возрастом и только гений способен сохранить «чистую» интеллектуальность юности и из-

вестную «духовную силу» до глубокой старости. «В сущности, гений таков потому, – объясняет А. Шопенгауэр, – что свойственное детскому возрасту преобладание... познающей деятельности у него, ненормальным образом, остаётся на всю жизнь, т. е. получает длительный характер» [20, с. 332]. И напротив, чем более человек приобретает *серьёзной* *взрослости*, тем более он теряет в своей *творческой детскости*.

Тем, кто занимается воспитанием детей, хорошо известно, что для них занятия художественным творчеством во всех его многообразных формах долгое время остаются одним из самых любимейших занятий, если, конечно, взрослые не отбивают у детей охоту к этому. Так вот, у гениев эта любовь к художественному творчеству, направляемая невообразимой силой познания и при этом питаемая обострённым чувством прекрасного, совершенного и возвышенного, сохраняется на всю жизнь, независимо от рода их деятельности и направленности их творческих устремлений. Заметьте – дети никогда не ломают игрушки, как думают об этом взрослые. Дети только лишь *разбирают* игрушки для того, чтобы посмотреть – а что же там внутри? Разве это не действительная тяга к познанию? В Евангелии от Матфея сказано: «...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18:3). Дайте русскому мальчику, говорит Ф.М. Достоевский, карту звёздного неба лишь на одну ночь, и наутро он вернёт её вам исправленной. Наверное, так поступит и каждый гений.

В гении, – пишет Артур Шопенгауэр, – «как в ребёнке, очень мало сухой серьёзности заурядных людей, которые никогда не способны возвыситься над интересами чисто субъективными и видят в предметах только мотивы для своей деятельности. Кто в течение своей жизни не остаётся до известной степени большим ребёнком, а всегда представляет собой тип серьёзного, трезвого, вполне положительного и благоразумного человека, тот может быть очень полезным и дельным гражданином мира сего, но никогда не будет гением» [20, с. 331–332]. Таким образом, по Шопенгауэру, гений лишь тот, кто подобно ребёнку навсегда остаётся непосредственно-наивным, неутомимо-познающим и творчески-свободным; *гений лишь тот, чьё «бытие коренится больше в познании, чем в волеии».*

* * *

В завершение настоящего содержательно-аналитического обзора позволительно будет сделать следующие *выводы*. В учении Артура Шопенгауэра о гениальности впервые в истории западноевропейской философии мы, наконец, видим в гении то, что собственно нам и хотелось бы увидеть, мы видим здесь уже человека как «*интерпретацию*

абсолютной самости» [13, с. 247] – гениального человека, в полной мере являющего имманентную личность и одновременно трансцендентную уникально-оригинальную индивидуальность. В учении Шопенгауэра гений оживает, мы начинаем, наконец, видеть и понимать его, вживаться в его чувства и сопереживать ему. Немаловажным является и то, что многие идеи Шопенгауэра о гениальности во многом сходны с представлениями о гениальности в рефлексии других гениальных людей, о которых говорилось в настоящем исследовании. И, наконец, самое главное. Шопенгауэр выводит истоки гениальности из рефлексии о самом человеке, и, таким образом, он не ограничивает анализ гениальности лишь предметными границами психологии, а впервые поднимает эту проблему уже на уровень философско-антропологического анализа и тем самым придаёт проблеме гениальности онтологический, универсальный, фундаментальный характер.

Список литературы

1. Бальзак О. де. О художниках // *Бальзак Оноре*. Собр. соч.: в 24 т. Т. 24. М.: Правда, 1960. С. 17–31.
2. Баше А. Из книги «Оноре де Бальзак. Человек и писатель» // *Бальзак в воспоминаниях современников*. М.: Художественная литература, 1986. С. 234–244.
3. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Эксмо, 2008. 640 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 668 с.
5. Вейнингер О. Пол и характер. М.: Латард, 1997. 357 с.
6. Гардинер П. Артур Шопенгауэр. Философ германского эллинизма / Пер. с англ. О.Б. Мазуриной. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 2 т. Т. 1. 2-е изд., стер. СПб.: Наука, 2007. 623 с.
8. Дженауэй К. Шопенгауэр: Очень краткое введение / Пер. с англ. А.В. Савкиной. М.: АСТ: Астрель, 2009. 192 с.
9. Дмитриева Н.К., Моисеева А.П. Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество). М.: Высшая школа, 1993. 271 с.
10. Кант И. Критика способности суждения // *Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Мысль, 1966. С. 161–529.
11. Кондильяк Э.Б. де. Соч.: в 2 т. Т. 1 / Общ. ред., вступит. статья и примеч. В.М. Богуславского. М.: Мысль, 1980. 334 с.
12. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство / Общ. ред., предисл. проф. Л.П. Гримака. М.: Республика, 1996. 398 с.
13. Лосев А.Ф. Вещь и имя. Самое самое / Подг. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 576 с.
14. Нордау М. Вырождение / Пер. с нем. и предисл. Р.И. Сементковского; Современные французы / Пер. с нем. А.В. Перельгиной. М.: Республика, 1995. 400 с.
15. По Эдгар. Marginalia (Заметки на полях) // *По Эдгар Аллан*. Соч. М.: Книжная палата, 2000. С. 863–897.

16. Чернов С.В. Идеи к разработке проблемы гениальности // Научные труды Института Непрерывного Профессионального Образования. № 7. Монографические исследования. М.: Изд-во Института Непрерывного Профессионального Образования, 2016. С. 7–96.

17. Чернов С.В. Новый взгляд на природу гениальности // Психология и психотехника. 2015. № 2. С. 159–174. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.2.14131.

18. Шеллинг Ф.В.И. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. 639 с.

19. Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1: Мир как воля и представление / Под ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. 496 с.

20. Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2: Мир как воля и представление / Под ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. 560 с.

21. Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5: Parerga и Paralipomena: в 2 кн. Кн. 2 / Общ. ред. и сост. А. Чанышева. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. 528 с.

22. Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6: Из рукописного наследия / Под ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. 352 с.

23. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. Изд. 3-е. М.: Тайдекс Ко, 2004. 376 с.

HERMENEUTICS

Sergey CHERNOV

PhD in Pedagogical Sciences, Professor, Rector.
Institute of Continuing Professional Education,
144000, Russian Federation, Elektrostal, Moscow region, Lenin Avenue, 45-12;
e-mail: sv.chernov@institutnpo.ru

THE DOCTRINE OF THE GENIUS BY ARTHUR SCHOPENHAUER

The article for the first time provides an integral-analytical overview of Arthur Schopenhauer's doctrine about genius, where the basic ideas are as follows. First, the genius is a quite exorbitant and real redundancy of intellect, which does not require for itself and its services the blind will, which rules the world. At the same time a man of genius grasps the general principles of being, becoming able to know essence of things, what is beyond the capacities of any ordinary or even talented people. Second, contemplative and therefore more objective and holistic knowledge of the world is the essence of genius, which allows him to see the worlds, inaccessible to perception and understanding of other people. Thirdly, the subject of genius's knowledge are problems that reflect the "essence of things in general, only that, they have in common, the whole" and, on the contrary, all other people easily pass by those problems, which a genius just can't miss. Fourth, people of genius, because of their ability to contemplative world cognition, which differs from the knowledge implemented in the form of concepts, which provide only rapid abstractions, are able to comprehend the reality of the "Platonic ideas." Ingenious people least care about their own benefit, on the contrary, their efforts are focused not on personal gain, but on creation of universal human values, that ultimately form the spiritual culture of the humanity.

The article also discusses the Schopenhauer's ideas of genius and madness and shows the illegitimacy of qualify Schopenhauer as a supporter of the psychopathological theory of genius. The study shows that Schopenhauer deduces the origins of genius from reflection about the man, not restricting the analysis of genius to substantive boundaries of psychology, and for the first time raises this problem at the level of philosophical-anthropological analysis and, thus, attaches to the problem of genius ontological, universal, and fundamental character.

Keywords: Arthur Schopenhauer, philosophical anthropology, genius, intelligence, contemplative knowing, talent, madness, maturity, childishness, creativity

References

1. Balzac, H. de. "O khudozhnikakh" [About artists], in: H. de. Balzac, *Sobranie sochinenii* [Complete works], Vol. 24. Moscow: Pravda Publ., 1960, pp. 17–31. (In Russian)
2. Bashe, A. "Iz knigi «Onore de Bal'zak. Chelovek i pisatel'»" [From the book «Honore de Balzac. Man and writer»], *Bal'zak v vospominaniyakh sovremennikov* [Balzac in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986, pp. 234–244. (In Russian)
3. Berdyaev, N. *Samopoznanie* [Self-knowledge]. Moscow: Eksmo Publ., 2008. 640 pp. (In Russian)
4. Berdyaev, N. *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity: The experience of human justification]. Moscow: AST MOSKVA Publ., 2007. 668 pp. (In Russian)
5. Chernov, S. "Idei k razrabotke problemy genial'nosti" [Ideas for the development of the problem of genius], in: *Nauchnye trudy Instituta Nepreryvnogo Professional'nogo Obrazovaniya. № 7. Monograficheskie issledovaniya* [Scientific works of the Institute of Continuing Professional Education. No. 7. Monographic research]. Moscow: Institute of Continuing Professional Education Publ., 2016, pp. 7–96. (In Russian)
6. Chernov, S. "Novyi vzglyad na prirodu genial'nosti" [A new look at the nature of genius], *Psikhologiya i psikhotekhnika*, 2015, No. 2, pp. 159–174. (In Russian)
7. Condillac, E. B. de. *Sochinenia* [Selected works], Vol. 1, ed. by V. Boguslavsky. Moscow: Mysl' Publ., 1980. 334 pp. (In Russian)
8. Dmitrieva, N., Moiseeva A. *Filosof svobodnogo dukha (Nikolai Berdyaev: zhizn' i tvorchestvo)* [The philosopher of the free spirit (Nikolai Berdyaev: life and work)]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1993. 271 pp. (In Russian)
9. Efrogimson, V. *Genetika genial'nosti* [Genetics of genius]. Moscow: Taideks Ko Publ., 2004. 376 pp. (In Russian)
10. Gardiner, P. *Artur Shopenhauer. Filosof germanskogo ellinizma* [Arthur Schopenhauer. The Philosopher of German Hellenism], trans. by O. Mazurina. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2003. 414 pp. (In Russian)
11. Hegel, G.V.F. *Estetika* [Aesthetics], Vol. 1. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 623 pp. (In Russian)
12. Janaway, C. *Shopengauer: Ochen' kratkoe vvedenie* [Schopenhauer: A Very Short Introduction], trans. by A. Savkina. Moscow: AST Publ., 2009. 192 pp. (In Russian)
13. Kant, I. "Kritika sposobnosti suzhdeniya" [The Critique of Judgment], in: I. Kant, *Sochinenia* [Selected works], Vol. 5. Moscow: Mysl' Publ., 1966, pp. 161–529. (In Russian)
14. Lombroso, C. *Genial'nost' i pomeshatel'stvo* [Genius and insanity], ed. by L. Grimak. Moscow: Respublika Publ., 1996. 398 pp. (In Russian)
15. Losev, A. *Veshch' i imya. Samoe samó* [Thing and name. Samoe samó], ed. by A. Takho-Godi, V. Troitsky. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 2008. 576 pp. (In Russian)

16. Nordau, M. *Vyrozhdenie. Sovremennyye frantsuzy* [Degeneration. The Modern French], trans. by R. Sementkovsky, A. Perelygina. Moscow: Respublika Publ., 1995. 400 pp. (In Russian)
17. Poe, Edgar. "Marginalia (Zametki na polyakh)" ["Marginalia (Notes in the Margin)"], in: Edgar Allan Poe, *Sochinenia* [Selected Works]. Moscow: Knizhnaya palata Publ., 2000, pp. 863–897. (In Russian)
18. Schelling, F.V.I. *Sochinenia* [Selected works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1987. 639 pp. (In Russian)
19. Schopenhauer, A. *Sobranie sochinenii* [Selected works], Vol. 1, ed. by A. Chaynshev. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub Publ., 2001. 496 pp. (In Russian)
20. Schopenhauer, A. *Sobranie sochinenii* [Selected works], Vol. 2, ed. by A. Chaynshev. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub Publ., 2001. 560 pp. (In Russian)
21. Schopenhauer, A. *Sobranie sochinenii* [Selected works], Vol. 5, ed. by A. Chaynshev. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub Publ., 2001. 528 pp. (In Russian)
22. Schopenhauer, A. *Sobranie sochinenii* [Selected works], Vol. 6, ed. by A. Chaynshev. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub Publ., 2001. 352 pp. (In Russian)
23. Weininger, O. *Pol i kharakter* [Sex and Character]. Moscow: Latard Publ., 1997. 357 pp. (In Russian)